

ПАНОРАМА: ИСТОРИЯ МИРА II

Глобальная Экономика и
Империализм

За вызванной политическими потрясениями и промышленной революцией трансформацией Европы последовала трансформация всей остальной планеты. Глобальные перемены были отражением, в первую очередь, вrastания различных частей земли в единое информационное, экономическое и политическое пространство.

Взаимозависимость регионов, фактическая и осознанная, превратилась в определяющий фактор их судеб.

Эта связь сказывалась как на большой политике, так и на форме и структуре повседневности. Страна, первая испытавшая на себе эффект промышленного переворота, Англия на протяжении 19 века остается самым богатым европейским государством с точки зрения реального дохода на душу населения. Тем не менее, ее общий вклад в мировое производство, достигнув пика в 60-е годы 19 столетия, начал постепенно уменьшаться. Тому, безусловно, были внутренние причины – в частности, сосредоточенность английских предпринимателей на торговле, приносящей почти моментальную прибыль и нежелание вводить рискованные и капиталозатратные изменения в промышленные процессы дома; более важными были причины внешние – а именно ускорившаяся индустриализация в Европе и Америке и появление молодых индустриализирующихся экономик в России и Японии. Накопив огромный капитал, британские инвесторы были более заинтересованы в возможностях для инвестиций за пределами Британии, нежели дома.

Развитие индустриального потенциала Европы и Америки шло во второй половине 19 века поразительными темпами. В особенности это касалось двух молодых экономических гигантов: Германии и США. В случае с Германией – стране, появившейся на карте в 1871 году – большую роль сыграла кооперация государства с промышленными концернами – сталелитейными (Крупп) и химическими в частности. Рост американской промышленности являлся в первую очередь делом рук частных предпринимателей – «капитанов индустрии»; страна располагала значительными запасами необходимых энергоресурсов, многочисленным и быстрорастущим населением и развитой сетью железных дорог. В конечном итоге, именно США к 1880-м годам сместила Англию с позиции самой большой промышленной экономики; Германия опередит Англию 20 годами спустя.

Показателем был опыт индустриализации России. Хотя осознание собственного технического отставания пришло сразу после поражения в Крымской войне, по-настоящему индустриализация огромной империи началась лишь в конце 80-х годов 19 века. С самого начала тон этому процессу был задан сверху – правительством, опасавшимся, что Россия может утратить экономическую независимость, превратившись в придаток Европы. Преимущественно аграрной стране критически не хватало среднего класса с его капиталом; эту проблему пытались решить как инвестициями извне – французов в первую очередь – так и прямыми и косвенными налогами на крестьянство. Россия, богатая углем, нефтью, рудами, долгое время не имела необходимой инфраструктуры; индустриализация сопровождалась строительством железных дорог, по-новому соединивших регионы империи. Кульминацией стало открытие в 1903 году Транссибирской магистрали, сделавшей возможным не только дальнейшую колонизацию Сибири переселенцами с западных областей, но и более эффективную эксплуатацию ее ресурсов.

Быстро растущее население снабжало молодую промышленность, хотя, конечно, низкая продуктивность сельского хозяйства накладывала ограничения на демографические потоки. Были и другие ограничения, тормозившие индустриализацию: невысокий уровень грамотности, низкая покупательная способность внутреннего рынка, проблемы коммуникации, точечная концентрированность промышленности, политическая нестабильность и т. п. Тем не менее, к началу XX века по темпам развития империя опережала индустриальных гигантов в Западной Европе и Северной Америке.

Япония на другом конце континента стала первой страной за пределами Европы и Северной Америки, успешно проведшей индустриализацию. Предвестником этому стали драматические события середины века. Проводивший в стране политику изоляции, сегунат Токугава оказался не в силах противостоять западному давлению и был вынужден открыть ряд портов для торговли. Демонстрация силы, проведенная американским командором Мэттью Перри, победы англичан и французов в войнах с империей Цин и ряд других факторов убедил японскую элиту

в необходимости коренных реформ – иначе Японию могла постигнуть судьба Индии и Китая. Фоном дискуссий относительно характера переустройства послужила разразившаяся в 1868 году гражданская война между сторонниками сегуна и императора Мацухито. Токугава был разбит, и впервые за много сотен лет власть оказалась в руках императорского двора.

Эпоха, начавшаяся с воцарения Муцухито именуется по тронному имени императора Реставрацией Мейдзи. Она ознаменовала начало коренной модернизации Японии. Власть местных князей дайме была упразднена, а их место заняли вышедшие из самурайского сословия и обученные на западный лад чиновники. Сотни советников из Европы были приглашены чтобы способствовать реформам в военной, образовательной, экономической и административной сферах. К 1889 году страна получила первую конституцию, создавшую, хоть и небольшую и непредставительную, электоральную базу. Меняясь изнутри, Япония меняла и свой внешний облик: традиционные одежды уступали место западным костюмам, и все большее количество японцев осваивала европейские языки.

Перемены должны были повысить экономический потенциал страны, так как именно в этом усматривалась сила запада. Благодаря земельной реформе, введению машин и удобрений резко вырос уровень сельскохозяйственного производства, что, в свою очередь, отразилось на демографических тенденциях. К началу 20 века появилась развитая сеть железных дорог. В виду отсутствия значительных запасов полезных ископаемых, большая часть инвестиций пошла на отрасли, специализирующиеся на производстве готовой продукции – текстиль, оружейная промышленность, металлообработка.

За 40 лет, прошедших с начала эпохи Мейдзи, Япония превратилась в развитую индустриальную державу. Этому способствовали внутренняя стабильность, культурная однородность, обусловленная еще самурайскими ценностями преданность чиновничьего аппарата власти и императору, в частности, и, наконец, готовность принимать радикальные меры перед лицом внешней угрозы. Стране удалось не только предотвратить повторения судьбы Китая, но и самой подключиться к борьбе за региональную гегемонию.

Сохранение суверенитета Японией было, безусловно, одним из ключевых условий для индустриального развития. В колониях и в государствах, находившихся в зависимом от западных держав положении, вторая половина 19 века ознаменовалась деиндустриализацией – т. е. постепенным упадком местной промышленности и частичным возвратом населения к сельскохозяйственной деятельности. Роль Индии и Китая, производившими до 1800 года более 50 процентов всей мировой продукции, свелась до рынков сбыта дешевой европейской продукции; несмотря на некоторый успех коврового производства, похожая ситуация сложилась и в Османской империи.

Эта неравномерность промышленного развития стала проявлением новой глобальной капиталистической системы. Инфраструктура, состоящая из телеграфных линий, железных дорог и телефонных кабелей, служила ей своеобразным скелетом. Возросшие скорости передачи информации и скорость перемещения товаров превратили мир в единый рынок со своими центральными маклерскими конторами, концентрированным фабричным производством и засеянными под пищевые и коммерческие культуры огромными полями.

Рост промышленного производства усилил давление на производство продовольствия для быстрорастущего населения в индустриальных регионах. На помощь сельскому хозяйству пришли машины, химические удобрения – и, отобранные у коренного населения, новые земли. США, передохнув после Гражданской войны, направила свою армию в сторону Великих Равнин, вынудив проживавших там индейцев поселиться в резервациях. Освобожденные от них земли были отданы под плуг переселенцев, превративших США в основного мирового экспортера пшеницы. Австралия, Аргентина и Россия шли по схожему сценарию, обращая отобранные у коренных жителей территории в житницы глобальных мегаполисов.

Глобальный капитализм диктовал свои условия во всех частях земного шара. В Египте, Бразилии и Индии он заставил землепашцев отказаться от традиционных культур в пользу технических культур: хлопка, джута и т. п. В долгосрочной перспективе, с учетом постоянных колебаний в мировых ценах на эти культуры, это привело к массовому банкротству незащищенных фермеров, и дальнейшему превращению в сельскохозяйственных поденщиков финансовых конгломератов и аграрных олигархов-ранье. Это стало одной из причин анта-

гонизма между глобальным городом и глобальной деревней, заложив основу мощных популистских крестьянских движений в конце 19 – первой половине 20 веков.

Перераспределение мировых богатств стало наиболее ярким – и трагическим – символом нового глобального капитализма. Если до начала 19 века глобальная элита, как и глобальные низшие слои населения везде пользовались более-менее похожими благами, или, наоборот, страдали от схожих социальных и прочих невзгод, то к концу оформились регионы относительного благополучия и регионы повсеместной нищеты – то, что в 20 веке будет именоваться Глобальным Севером и Глобальным Югом. Конечно, являясь частью единой системы, богатые и бедные регионы планеты испытывали на себе единовременные негативные последствия участвовавших к концу 19 века рецессий и депрессий. Невзирая на это, у богатых, индустриальных стран в запасе имелись средства, позволявшие им частично нейтрализовать эффекты экономических спадов – чаще всего за счет бедных стран. Эти средства были не только экономического характера, но и политического. В колониях метрополии могли в случае необходимости пренебречь интересами местного населения во имя поддержания стабильности дома – даже, как это было во время засух в Индии, если экспорт пищевых товаров в Англию означал массовый голод. В номинально независимых государствах Азии и Латинской Америки, западные государства добивались необходимых им экономических уступок при помощи неравноправных договоров. Перекаладывая ответственность за нищету на самих нищих, викторианская система ценностей позволяла сомнениям относительно нравственного содержания таких мер отступить глубоко на задний план.

Несмотря на предпринимаемые усилия, правительствам и элите промышленных государств не удавалось до конца поддерживать общественное мнение в состоянии удовлетворения и покоя. Главным источником социальной напряженности здесь было растущее рабочее население. Жизнь в городах и сопутствующая ей причастность к глобальным и локальным политическим дебатам – то, что называется ростом политического сознания – внесли свою лепту в самоосознание пролетариата, как класса. Нет сомнения, что до Первой Мировой войны его наибольшая часть была далека от предсказанного – или подсказанного – Марксом революционного варианта разрешения текущих социальных проблем. Сетую на условия жизни и труда, они требовали повышения в заработной плате, уменьшения часов рабочего времени, улучшения здравоохранения, создания пенсионных фондов, и т. д. Наряду с такими, настаивающими на «хлебе и масле» профсоюзными движениями – широко представленными в США – существовали и другие рабочие организации, поставившие перед собой цель перераспределения собственности и изменения правового режима. К этим группам принадлежали французские анархосиндикалистские профсоюзы, ведомые радикальными немецкими социал-демократами рабочие кружки, популистские группы в западных губерниях Российской империи и прочие. И здесь и там сформированная выступлениями первой половины 19 века политическая культура вошла в соприкосновение с многозначительными и неоднозначными производными индустриализации, создав предпосылки для революций первой трети 20 века.

Разделив мир на богатые и бедные регионы, капитализм создал видимость однородности в виде мирового среднего класса. Под «средним классом» подразумевалось не столько экономическое положение его представителей – хотя, без сомнения, оно являлось ключевым элементом – сколько некая совокупность жизненных устремлений, взглядов, общественных норм, и форм, принимаемых благополучием. Например, вне зависимости от своего территориального расположения, средний класс рассматривал возможность пользоваться прислугой – т. е. самому не прибегать к физическому труду – как одно из мерил своего успеха. Облаченные в европейские костюмы, знающие несколько европейских языков, гордые своими профессиональными навыками представители среднего класса узнавали друг друга за тысячи километров на страницах газет и журналов, в выдвигаемых политических программах, в высылке своих отпрысков на учебу в ведущие немецкие, французские, российские или японские вузы, а своих домочадцев на отдых в Биарриц или Ниццу. Случались и здесь отходы от общепринятых правил, но, как показал опыт надевшей снова кимоно японской элиты или перенявшего феску вместо цилиндра турецкого среднего класса, эти отходы чаще всего не переходили грань предпочтений во внешнем виде.

Нивелирующее влияние капитализма на мир проявилось и в замене традиционных взглядов западной наукой. Безусловно, это было время прорывов; в качестве примеров можно привести открытие законов термодинамики, таблицу химических элементов Менделеева, теорию микробной этиологии болезней Луи Пастера, и, разумеется, объяснение, предложенное Чарльзом Дарвином о происхождении и развитии видов. На умы, однако, действовала не столько теория, сколько взаимосвязь между наукой, техникой и экономикой. Наука не осталась в стороне от производства и потребления: не отдельные ученые, а мощные промышленные лаборатории, поддерживаемые государством или частным капиталом, стали двигателем научного прогресса. Безусловно, капитализм подчинил науку соображением практической ценности, но этого было достаточно, чтобы вдохновить на переводы сотен европейских учебников на неевропейские языки и на создание технических школ далеко за пределами Европы и Америки.

Наметившееся к середине века индустриальное превосходство Запада к концу века обрелось в чистейшую политическую гегемонию. На 1900 год с учетом Российской империи (чей колониальный статус никогда не был ясен), колониальные империи владели 90 % Африки, всей Океанией и Австралией, половиной Азии, и четвертью Америк. Если к ним добавить зоны влияния, прочерченных державами во время дипломатических переговоров, то процент по-настоящему суверенных государств за пределами Европы, России, США и Японии, снизится до минимума. Ни одной империи прошлого не удалось добиться таких результатов. Но, как покажет время, поразительным в эпоху западного Империализма оказалось не только быстрота, с которой создавались колониальные империи, но и их внутренняя хрупкость, ставшая залогом такого же быстрого демонтажа, начавшегося сразу же по окончании Второй Мировой войны.

Империалистические захваты конца 19 века, касались, в основном, двух регионов: Африки и Юго-Восточной Азии. В отличие от Западного полушария, они оставались недоступными для европейского колониального строительства как из-за распространенных тропических болезней, так и относительно высокой степени организации государств с своими армиями чаще всего оснащенными огнестрельным оружием. К 1850 году европейцам удалось преодолеть оба препятствия. Развитие медицины, в частности извлечение хинина, компенсировало недостаток в биологическом иммунитете; появление многозарядных ружей типа Винчестера, а затем и пулеметов (сначала картечиц Гатлинга, а затем полновесных Максимов) произвели техническую революцию в военном деле – небольшие дисциплинированные европейские колониальные армии теперь с легкостью могли противостоять многократно превышающих их численность туземным войскам без боязни быть обойденными с флангов и тыла. Такие армии редко терпели поражение, и когда это случалось – как, скажем, при столкновении британцев с зулусами в 1879 году, и во время войны Франции с Китаем за Тонкин – то такие временные неудачи были следствием незнания местности или халатной самоуверенности.

Борьба, или Гонка за Африку, началась в начале 80-х годов 19 века. Этому предшествовал ряд событий, приведший к эскалации напряжения на Европейском континенте, а именно объявление Францией Туниса своим протекторатом в 1881 году, территориальные претензии бельгийского короля Леопольда II на огромный регион в бассейне реки Конго, ужесточившаяся конкуренция между Англией и Россией за господство в Центральной Азии, продолжающаяся с Франко-Прусской войны натянутость в отношениях Франции и Германии, питаемые слабостью Османской империей планы по разделу Ближнего Востока и т. п. С целью снизить уровень напряжение и одновременно направить взгляды европейских государств за пределы Европы и граничащих с ней регионов, в 1884 году Отто фон Бисмарк, «железный канцлер» Германии, организовал в Берлине конгресс с целью предварительного раздела Африканского континента и предотвращения таким образом потенциальных конфликтов.

Конгресс ознаменовал начало систематического дележа континента. В течение следующих 20 лет, англичане установили контроль над территорией от Каира до Кейптауна, французы приобрели обширные колонии в западной Африке и в районе экватора, немцы, поздно включившиеся в гонку, захватили области современной Намибии, Танзании, Камеруна и Того; Бельгия получила контроль над превышающим ее собственную территорию в 80 раз регионом Конго; старые колониальные империи – Испания и Португалия – также увеличили свои владения «под шумок». Из огромного, населенного народами разных традиций, языков, верований и

исторического опыта, лишь небольшая Либерия, основанная в начале 19 века освобожденными американскими рабами, и Абиссиния (Эфиопия) сумели сохранить независимость.

Колониальному разделу подвергся густонаселенный регион Юго-Восточной Азии. В результате нескольких войн с Бирмой, англичане захватили это древнее буддийское королевство, присоединив его к «драгоценному камню британской короны» – Индии. Начав свое продвижение оккупацией Кохинхины и Камбоджи в 1860х года, французы к концу века подчинили всю восточную часть Индокитая. Южнее, обосновавшиеся еще в 17 веке голландцы, подчинили себе многочисленные острова Зондского архипелага. Оставшись единственно номинально независимым государством, Сиам (Таиланд) оказался разделенным на неформальные сферы влияния между Францией и Великобританией.

В борьбе за колонии участвовали не только европейские государства. США, государство, появившееся в результате антиколониального восстания, к концу 19 века обнаруживает в себе желание к созданию собственной заокеанской империи. Поздно начав, США захватила территории, принадлежащие слабеющей Испании: Филиппины, Пуэрто-Рико и Гуам (формально независимая, Куба была, по существу, американским протекторатом). Япония, чувствуя себя все более уверенной на внешнеполитической арене, отобрала у Китая Формозу (Тайвань); в 1910 году, после победы в русско-японской войне, Токио аннексировал Корею.

Колониальным можно назвать начавшееся в 1860-х годах продвижение России в Среднюю Азию – тем более, что российское правительство часто рассматривало Туркестан – как стала именоваться область – именно в колониальном ракурсе. Однако по своему характеру, присутствие метрополии здесь сильно отличалась от британского управления Индией, и поэтому «колониальность» российской власти нужно принимать с рядом оговорок.

На фоне почти беспрепятственного распространения колониальной власти выделяются примеры относительно успешного сопротивления европейцам. В Судане вдохновленные религиозными лозунгами махдисты в течении 15 лет сдерживали египтян и британцев; лишь в 1898 году последним удалось, не без помощи пресловутого пулемета Максим, взять столицу махдистов Омбурман. Сильное, и на первых порах, успешное сопротивление оказали британцам белые переселенцы в Южной Африке – африканеры или буры. К 1902 году британцам удалось подавить последние очаги сопротивления буров, но уже в 1910 году Южная Африка получила статус доминиона Британской Империи, приобретя таким образом внутреннюю автономию. Наиболее ярким событием в истории борьбы с колониальной экспансией стала решительная победа абиссинских войск негуса (императора) Менелика II над 17-тысячным итальянским контингентом в битве под Адуа. Обеспечив Абиссинии независимость на 40 лет, эту битву нельзя назвать началом конца империализма; однако, она стала во многом индикатором потенциала колонизированных народов и, соответственно, предвестником новой волны антиколониальных движений.

Эти примеры не удержали американцев и европейцев от формулирования идеологического обоснования своего глобального господства. Вышедшая из расовой антропологии начала и середины 19 века и подкреплённая доводами сильно измененного (не сказать извращенного) дарвинизма, идея о природном превосходстве белой расы прочно вошла в культурный дискурс колониальных метрополий. Теоретики расового превосходства утверждали, что белые располагали не только лучшей технологией и более мощными индустриальными экономиками, но и высшим среди всех рас потенциалом к созидательной культурной деятельности. Эта мысль странным образом перекликалась с общей идеей об истории, как о прогрессивном движении к некоей законченности, самореализации в виде триумфа рациональности над силами суеверия, беспорядка, традиционализма и ограниченности. Не просто эпизод истории, колониализм легко вписывался в этот процесс, будучи политической конкретизацией рационально-осознанной, объективной, в представлении расистов, биологической внутривидовой расовой иерархии. Наука, взятая на вооружение властью имущими, породив расизм, сама оказалась в шаге от нового, опасного, суеверия.

Уверовав в свою избранность, европейцы и американцы начала 20 века не давали выход сомнениям. Не хотели – или не могли – они и довольствоваться достигнутым. Поделив мир между собой, они все чаще начинали сталкиваться друг с другом. Чувство превосходства над другими расами и народами теперь подкрашивало их отношения со своими ближайшими

соседями и конкурентами по колониальной гонке. Легкость же побед над туземцами – непреодолимое преимущество пулемета Максим над зулусским копьем – поддерживало у большинства иллюзию ограниченности и отдаленности насилия. Вместе это создавало чувство несправедливой обделенности и собственной неуязвимости, страшного и опьяняющего эмоционального коктейля, затмившего разум в судьбоносное лето 1914 года.